

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ИДЕОЛОГИИ КАК ТИПА ДУХОВНОГО ОСВОЕНИЯ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

Н. Н. Равочкин

*Кузбасский государственный технический университет
имени Т. Ф. Горбачева*

Поступила в редакцию 9 сентября 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена выявлению существенных характеристик феномена идеологии и раскрытию его социальных и духовных оснований.*

Ключевые слова: *идеология, социальные основания, духовные основания.*

Abstract: *the article aims to identify the essential characteristics of the phenomenon of ideology and disclosure of his social and spiritual reasons.*

Key words: *ideology, social reasons, spiritual reasons.*

Не вокруг тех, кто измышляет новый шум, а вокруг изобретателей новых ценностей вращается мир.

Ф. Ницше

Субъективное признание ценностей, как аксиологический акт, лежит в основе понимания идеологием прошлого и современности. От индивидуалистических сентенций Милля и риторики традиционализма Бёрка, от формационно-исторических построений Маркса до фундаменталистских призывов современных радикальных религиозных деятелей; от идеологий, постулирующих экзистенциальную решимость, до христианского призыва к смирению, – всё базируется на интерпретации ценностных ориентиров, в основе которой – социальная рефлексия по поводу процессов сохранения, развития и преобразования человеческих сообществ. Великое в своем онтологическом основании назначение идеологии есть неизбежное следствие фундаментальной важности для человека следовать и руководствоваться ценностными основаниями. В таком восприятии идеология есть гносеологический инструмент, используемый людьми для испытания тех или иных ценностных доктрин [1].

Впрочем, идеология не «вырастает» из науки. Наука – система аргументаций и доказательств. Это независимая, «неангажированная» мысль. Продукты науки безличны, они не направлены на скорейшую экстраполяцию ее достижений на область социально-политического бытия. Наука – это конструктивное поле теоретических изысканий, имеющих общезначимое назначение.

Идеология же всегда подвижничество ради самоутверждения. Идеология есть чувственное «овладение» ценностью. Она стоит на ценности, на субъективной оценке мира, дающей руководство как жить, во имя чего жить. Императивы идеологии действуют фрагментарно и персона-

фицировано. В ее основании всегда можно наблюдать конгломерат не поддающихся сомнению истин и доктринальных установок, которые обладают, по сути, фрустрирующей сущностью – кодификации и интерпретации смыслов в зависимости от базовых ценностных установок. Хотя в «Элементах идеологии» А. Д. де Траси она определяется именно как наука о мыслях человека, прямых ассоциаций с наукой явление, вошедшее в социально-политическое бытие людей под названием «идеология», не несет. Вместе с этим мы наблюдали, сколь мощно и быстро идеология показала свою силу в XX в. Она явила себя концентрацией интеллектуально-духовного опыта людей, раскрываемой посредством политических инструментов воздействия. В силу своей системности идеология стремилась утвердиться (и утвердилась) в качестве феномена по своей природе максималистского, стремящегося заменить собой и абстрактную теорию, и внеидеологические построения. А. Д. де Траси, первопроходец постижения идеологии в научном кондоминиуме, предрекал ей именно торжественное шествие как новой науки чуть ли не по руинам науки пережитой. По его мнению, идеология должна была вытеснить философию с ее места королевы всех наук и сыграть главную интегрирующую роль в объединении всего социального познания. Чем не политическая в своем основании амбициозность и тенденциозность родоначальника «науки об идеях»?

Большее количество корреляций, чем при сопоставлении науки и идеологии, мы наблюдаем при сопоставлении онтологической природы идеологии и веры. В этом случае мы отмечаем, что человечество располагает тремя консолидирующими духовными ресурсами – верой в формате религии, верой в формате идеологии и верой в формате утопии. Эти ресурсы – и результат, и средство поиска индивидами ценностных оснований в окружающей действительности, основа группового единения или противостояния.

В то время как идеология не является знанием в научном понимании этого слова, она представляет собой знание, «осеяемое» силой убежденности и направленное на конкретное действие, будь то идеологемное восприятие действительности или экстремистское поведение. Зачастую идеология как род «нелогического евангелия» оказывается питательной основой всякого рода эсхатологических надежд, хилиастических чаяний, в пределах которых развиваются питательные слои образующих смысл тезисов и воззваний. Вне убежденности (ученой, религиозной, политической), движимой верой в отстаиваемые взгляды и смыслы, нет идеологии. Сама же идеология – суть теоретизированная модель или интерпретация ценностного восприятия мира, что непосредственно роднит ее с верой религиозного характера.

С гносеологической точки зрения вера в формате религии есть именно ценностная категория, высший алгоритм поведения индивида, стабилизирующий деятельность и упраздняющий неопределенность. В идеологических построениях высшую волю, как правило, заменяют ценностно-ориентированные выводы философов, публицистов или просто

авантюристов, что не мешает их идеям завоевывать признание масс. И в том, и в ином случае мы говорим о субъективной вере в определенный набор ценностей, ретранслируемых церковью в одном случае и идеологами – в другом.

Однако идеология оставалась бы абстрактной величиной, если бы не предстояла перед нами и в ином своем функциональном качестве – как инструмент макросоциальной коммуникации. Это качество идеологии, всегда направленной на развитие социального взаимодействия в нужных плоскостях мироизмерения, в современном мире масштабно актуализируется.

Чем более сложной становится система коммуникаций в современном мире, чем быстрее распространяется информация, чем разнообразнее становится взаимодействие социальных групп между собой, тем шире становится потенциальное поле развития и применения идеологических построений.

Современный мир, пройдя через глобальные войны, столкнувшийся с вызовами терроризма и фундаментализма, вместо философии морали требует философию практики, внутри себя систематизирует и, тем самым, возвращает новые вызовы и потребности в новых формах идеологии. Сегодня социальный запрос к философии – быть действенной – становится еще более выраженным, так как глобализация набирает обороты. К философии с ее прогностической и гуманистической функцией предъявляется требование встать на место морали в обществе и дать анализ реального социального процесса. Этого не может дать наука, но способна дать идеология. Спекулятивное знание об обществе, выводимое из какой-либо общей идеи, может восприниматься сегодня, впрочем, как и всегда, и как научное достижение, и как убежденность на основе веры. Насущная потребность сегодняшнего дня в таком восприятии вырастает в прямой зависимости от необходимости систематизировать информационные потоки и управлять ими.

Идеализм, глубинный и деятельный, свойственный всем социальным наукам, перестает соответствовать логике программирования и сетевых коммуникаций, поэтому следует ждать нового всплеска идеологических доктрин, претендующих на ясность сознания и столь же опасных в потенциале, сколь глубоко научными они могут выглядеть при первом рассмотрении. Современное человечество действительно нуждается в объективном анализе самого себя. Но может и должна ли идеология выступать инструментом такого самоанализа?

Масштабность воздействия на умы, фиксация ненаучной (или псевдонаучной) специфики идеологии в совокупности с новыми вызовами времени заставляют многих философов рассуждать о трансцендентном характере этого явления. Под удар ставится традиционное рассмотрение идеологии. Согласно взглядам Л. Альтюсера, например, термином «идеология» нужно именовать не систему конкретных знаний, а реальные духовные образования, а порой даже соответствующие им институты [1]. По мнению мыслителя, идеологией являются гуманизм, искус-

ство, мораль и т.д. Общий критерий причисления к идеологии один: все эти феномены различным образом закрепляют желания, интересы (в этой связи вспоминается также Э. Блох с его «философией надежды» [2]). Именно идеологии и формируют субъекта, внушая ему мысль о свободе, которая на самом деле у него отсутствует, поэтому исторический процесс следует рассматривать как бессубъектный. Такое обращение к сути идеологии фактически отрицает те черты, которыми ее традиционно наделяют.

К трансцендентному восприятию идей и, по сути, любой системы мыслей всегда тяготело и русское философско-религиозное интеллектуальное сообщество. Например, противостояние западничества и славянофильства, явленное историей русской философии, само выглядит как иллюстрация возможности идеологизации философских подходов. Хотя само понятие идеологии фактически отсутствует в исследованиях мыслителей. Идея соборности А. С. Хомякова или теория соотношения земли и государства К. С. Аксакова хоть и выступают «духом» великодержавности, идеологичностью в полном смысле этого слова не обладают, но претендуют на нечто большее. Это касается и изысканий в области политической теории. Исследование, например, И. А. Ильиным народного консерватизма или русского патриотизма попадают в канву русской идеи, т.е., идеи национальной, т.е. трансцендентной.

Современная отечественная мысль, пройдя через горнило все выхолащивающей и уничтожающей здоровое восприятие тоталитарной идеологии, разочаровавшаяся в полученных результатах исследования идеологических процессов, ассоциирует теперь саму идеологию исключительно с негативом в социальной жизни, а в сфере духа само слово «идеология» попадает чуть ли не в разряд бранных [3]. Но и подобное восприятие не снимает с повестки дня актуальную проблему использования идеологии, что, в частности, выражается в перманентном поиске представителями нынешней власти пресловутой «национальной» идеи.

Интегрируя имеющиеся представления (и традиционалистские, и новаторские) об идеологии как о специфическом типе духовного освоения действительности следует сказать, что наиболее часто сущность идеологии характеризуют через следующие качества. Данное духовное образование создается «творцами» для определенных целей. Будучи разными по содержанию, эти цели, тем не менее, обязательно включают в себя претензию на манипулирование (или «благоговейное» воздействие, если речь идет, к примеру, о националистических доктринах) сознанием человека. Чтобы данная функция была осуществима, идеология с необходимостью опирается на некоторую философскую систему, которая ее «освящает». В целом, идеология предстает как доктрина, т.е. некоторая целостная теоретическая концепция, претендующая на статус предельно общего духовного образования данного состояния социума, которая в нем является одной из его движущих сил.

Однако, используя данное восприятие, практически невозможно ответить на следующий вопрос: что служит основанием преобразования

идеологических, по сути, доктринальных установок в своеобразную веру людей, зачастую несущую идеи самопожертвования во имя этой веры или экстремистского поведения?

Безусловно, идеология не религия. Но почему в дополнение к ценностям религиозным у людей существует потребность в ценностях идеологизированных? В Европе, например, существует доктрина протестантизма, который имеет сравнительно долгую историю. Его воспевание труда и обращенность к каждому во многом сглаживают проблемы глобализирующегося капиталистического сообщества. Но повседневность требует сугубо рационального, вне религиозного отношения к миру. Общая особенность исторического развития человека такова, что мифологическая составляющая культуры, как и религии, должна постоянно адаптироваться к меняющимся условиям. Поэтому вне сугубо религиозной догматики протестантизм, как и любая иная религиозная система ценностей, не может выполнять задачи достаточного обслуживания потребностей социума. Обобщенные религиозные установки и ценности не могут полностью удовлетворить прагматичным запросам людей, требующих право на политическое участие или социальные выгоды. В данном случае на первый план выходит та нормативность, которая, в отличие от права, никогда не утрачивает своих позиций в урегулировании социальной жизни и игнорируется базовыми религиозными категориями. Речь идет не о простой морали и моральной адаптации человека к обществу. Люди не только предпочитают всем делениям социальности поиск «хороших» и «плохих», но и востребуют программу действий, некую общую платформу обоснования и оправдания собственных взглядов и мотивов поведения. В этом плане религия им не интересна. Им становится интересна иная вера – вера в идеи или в идеологию. Даже классическая метафизика не избегает констатации подобных потребностей людей, что прослеживается и в трудах И. Канта, и в работах Г. В. Ф. Гегеля.

Таким образом, можно утверждать, что идеология востребована обществом и будет оставаться востребованной в силу того, что она имеет непосредственное отношение к ценностям индивидов, экстраполируемых при помощи идеологического инструментария в область социального и политического взаимодействия с целью упорядочения этого взаимодействия и оправдания соответствующих действий. Так как ценности есть всегда категория, предполагающая в большей степени духовное восприятие, нежели рационально-прагматическое, следует утверждать, что идеология во всех ее вариациях являет собой естественную форму постижения действительности, онтологически духовную, но приобретающую рационально-прагматическое выражение и направленную, или оправдывающую определенные действия или характер взаимодействия людей. Проявляясь как рациональная доктрина, в своем основании идеология имеет духовно-ценностные потребности людей. Неслучайно родоначальники многих идеологических течений – это ученые, религиозные деятели, достижения которых обеспечивают необходимую ценностную глубину идеологическим построениям или практикам.

У любой духовной культуры, как-то религии, всегда есть потребность в несколько ином рассмотрении идеального бытия. И даже внутри религиозных конфессий это вызывало к жизни идеологические в своем основании течения (всевозможные ордены в католической церкви, старообрядчество – в русской, сектантство – в лоне протестантизма). К тому же обращение к традиции, свойственное религиозным догматам и построениям, как основной способ закрепления и передачи информации сегодня уже не может быть панацеей в ее существовании. Это касается всех сторон человеческого духа. Общим моментом выступает резко возрастающее число источников информации, обретение ими самостоятельного статуса и, как следствие этого, их автономное существование. Если еще недавно все содержание европейской социализации базировалось хотя и на очень непростом, емком, но все же одном источнике, которым была Библия, то теперь в том же протестантизме разнообразие внутренних течений зачастую ставит преграды в понимании между верующими. Развитие науки приводит не только к углубленному пониманию накопленного опыта, но и заставляет соотносить ее разные направления. Насущным становится реальный ориентир в нарастающей информации. По мнению автора, это ориентир идеологический.

Традиционные идеологические течения сегодня не теряют своей силы. Они трансформируются в соответствии с новыми запросами своих социальных контрагентов. Базовые ценности остаются, но меняется риторика тех или иных идеологов. Сегодня мы говорим о неомарксистах, неолибералах, о новых видах патриотов и консерваторов. Преломление и модификация традиционных политических идеологий, как запрос времени и нового состояния общественности – глубокая и интересная тема, как и появление новых идеологических доктрин, будь то экстремистские, неонацистские или экологические доктрины и течения. Мир меняется, но запрос на духовно-ценностные ориентиры в пространстве социально-политического бытия у людей остается. Эти запросы и есть первопричина идеологий.

Идеология – не только запрос, но и яркая форма самовыражения. Как ни парадоксально, но, используя риторику Б. Латура, можно утверждать, что идеология помогает восприятию людей «выйти за рамки общественного», т.е. почувствовать уникальность, особенность и жизненно важную значимость своих установок. Догматичность идеологического сознания в этом смысле выступает уникальной его чертой, поскольку позволяет индивидууму в своем сознании подняться над «обыденными» потребностями обезличенного социума и заявить о своих целях и желаниях, основанных собственной верой в формате идеологии. Нам представляется, что эта потребность – то, к чему всегда будут стремиться люди.

Исходя из наших размышлений, мы считаем возможным для себя определить идеологию как систему ценностей, являющей собой особый вид духовности – веру в формате идеологии. Потребность в подобной вере обуславливается развитием и дифференциацией человеческих сообществ, а ее современная фрагментация обоснована ускорением процес-

сов градации и умножения социальных кластеров и коммуникационных каналов.

Можно утверждать, что влияние идеологии на общественно-политическое развитие будет и далее ощущаться повсеместно, и усиливаться там и тогда, где и когда будет увеличиваться общественная потребность в провозглашении и защите определенных ценностных установок, либо оправдании определенных, в том числе насильственных действий. Усиливающаяся общественная неоднородность, порождающая в социальных отношениях различные темпоральности и идеологические запросы, будет только содействовать появлению новых идеологических доктрин, кардинальной интерпретации прежних установок или обоснованию необходимости радикализации поведения, в том числе протестного, со стороны отдельных социальных групп.

Отметим также сложносоставную структуру функциональной значимости и практического использования идеологии. Зарождаясь в недрах интеллектуального сообщества она, посредством политического применения, со временем становится традиционной частью и смысловой коннотацией во взаимодействии отдельных социальных групп, превращаясь, в свою очередь, в новый социально-политический запрос. Таким образом, идеология есть циркулирующая в недрах самого общества константа, определяемая существующим форматом и балансом ключевых общественно-политических ценностей.

Литература

1. *Кравец А. С.* Субъективная форма бытия ценностей / А. С. Кравец // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. – 2012. – № 2. – С. 71–82.
2. *Альтюссер Л.* Ленин и философия / Л. Альтюссер ; пер. с фр. Н. Кулиш. – М. : Ad Marginem, 2005. – 176 с.
3. *Блох Э.* Тюбингенское введение в философию / Э. Блох. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 400 с.
4. *Мамардашвили М.* Ускользящий контекст. Русская философия в постсоветских условиях / М. Мамардашвили. – М. : Ад Маргинем, 2002. – 384 с.

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева

Равочкин Н. Н., аспирант кафедры философии

E-mail: nickravochkin@mail.ru

Тел.: (3842)39-69-60

Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev

Ravochkin N. N., Post-graduate Student of the Philosophy Department

E-mail: nickravochkin@mail.ru

Тел.: (3842)39-69-60